

ОУЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР
И. ЛЕНИНА
1

МУРЗИКА

№ 3

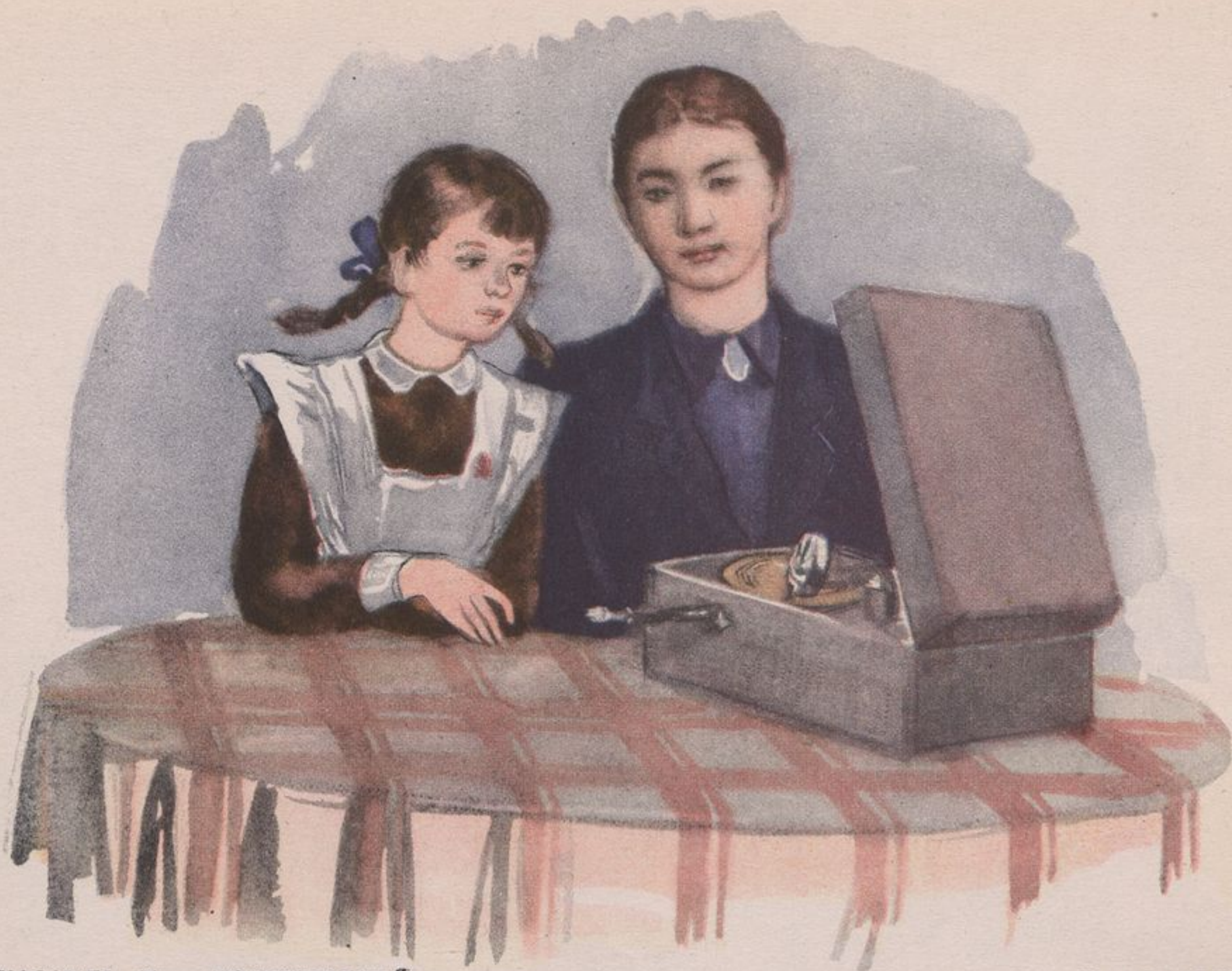
ЖУРНАЛ ЦК ВАСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

МАРТ
1949

Я маме подарил цветы.
А ты?

Лев КАСИЛЬ, Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Письмо из Москвы

Из повести „Улица младшего сына“

Школьник-пионер Володя Дубинин из города Керчь во время войны был бесстрашным разведчиком партизанского отряда. Теперь в Керчи одна из улиц названа в память его улицей Володи Дубинина. Есть в городе и школа его имени.

Володя учился в школе хорошо по всем предметам. Лишь иногда у него были ошибки в письменных работах по русскому языку.

Мы печатаем отрывок из повести, где рассказываем, как Володя придумал способ избежать ошибок в письме, которое он отправил своей учительнице.

Когда Володя уже лёг, отец подошёл к нему с полотенцем через плечо и сказал:

— Ну, Вовка, не спишь? Хотел до утра подождать, да самому невтерпёж. В Москву меня, оказывается, вызывают. Насчёт новых судов для нашего Керченского порта. Вот если не подкачаешь с отметками, двинем, брат, всей семьёй до той самой Москвы-столицы. Нехай и там поглядят

люди, какие мы такие на свете есть обыкновенные Дубинины.

И Володя, как был в одной рубашонке, затанцовал на кровати танец диких из картины «Дети капитана Гранта».

Раздавая перед каникулами табели, учительница Юлия Львовна сказала:

— Ну, Дубинин Володя, получай. Два

«хорошо», по остальным всем «отлично». Вот только с русским языком у нас по-прежнему не совсем так, как хотелось бы: устный — «хорошо», а письменный — всё-таки «посредственно». Ты, я слышала, в Москву едешь. Так вот, чтобы ты не отставал, я тебе, как и всем ребятам, даю задание на каникулы. Ты мне пришлешь письмо, в котором подробно опишешь всё, что видел в Москве. Вообще пусть каждый напишет домашнюю работу: «Как я провёл каникулы». Хорошо?

— Хорошо, — согласился Володя.

Уже подходили к концу зимние каникулы, когда в дом, где жила у школы Юлия Львовна, постучался почтальон. Он вынул из сумки большой пакет, вручил его Юлии Львовне и велел расписаться в книге. На тяжёлом, объёмистом пакете было написано внизу: «Москва, гостиница Ново-Московская, В. Н. Дубинин».

— Светлана! — позвала Юлия Львовна. — Смотри, Дубинин-то молодец какой! Выполнил задание. Вон какое письмище прислал.

Она принялась вскрывать конверт. Внутри него оказались два больших куса картона. Из них выскользнул на стол тонкий, не то желатиновый, не то целлулоидный, диск. Юлия Львовна испуганно поймала его и с недоумением принялась рассматривать. В центре диска белела круглая бумажка с дыркой посередине. На бумажном кружке было написано карандашом: «Поставить на патефон со старой иглой».

— Вечно он сочинит что-нибудь необыкновенное, — проговорила Юлия Львовна. — Ох, уж этот твой Дубинин!

— Во-первых, он больше твой, чем мой, — обиделась Светлана.

— Но ведь это ты, кажется, его собиралась перевоспитывать по пионерской линии?

— Ну, знаешь, мама! — Светлана вся вспыхнула. — Если уж девчонки дразнят — это понятно. А тебе непросительно

— Ну будет, будет, дурашка. Шучу. Иди лучше сбегай к Василию Платоновичу, у них патефон есть. Пусть одолжит по соседству. Интересно, что это за музыку Дубинин нам прислал.

Василий Платонович патефон охотно дал, но удивился, зачем вдруг ни с того ни

с сего днём суровой Юлии Львовне понадобилась музыка. Он даже предложил выбрать и пластинки, но, к ещё большему его удивлению, Светлана сказала, что пластинки не нужны. Потом выяснилось, что не нужны и новые иголки. Светлана требовала, чтобы иголка была непременно уже игранная.

Но вот патефон был открыт и заведён ручкой, как шарманка. Тонкую, гнущуюся пластинку положили на круг. Светлана поставила тупую зеленоватую иголку, очень похожую на еловую, у самого края диска, слегка толкнула круг, чтобы разогнать вращение, и в комнате раздалось:

«Здравствуйте, дорогая Юлия Львовна. С Новым годом вас. Добрый день...»

Мать и дочь переглянулись почти со страхом. Они узнали сквозь шип и похрипывание патефона голос, который сотни раз слышали и у себя в этой комнате, и в классе, и во дворе под окнами. Да, сомнения не было: то был голос Володи Дубинина.

— Володька! — прошептала Светлана. — Честное слово, Дубинин!

Юлия Львовна замахала на дочку рукой, чтобы та не мешала слушать ей, и, поправив волосы над ухом, склонилась к патефону. А оттуда слышалось:

«Я шлю вам это письмо из Москвы. Вы велели написать мне, как я проведу каникулы. Вы сказали, что это будет моя контрольная на дому. Я вам сказал, что пришлю письмо. Вот я вам и посылаю письмо, как обещался, только говорящее».

— Ох, а язык, язык: «обещался»! — вздохнула Юлия Львовна, качая головой.

Из патефона несло:

«Сегодня мы с папой пришли в Парк культуры и отдыха имени Горького. Тут очень везде красиво, есть каток. Просто все аллеи залиты льдом, и получается везде каток. И когда мы шли в кино, я увидел, что на вывеске там написано, что можно всякому гражданину, кто, конечно, хочет, зайти и наговорить пластинку на три рубля и на пять рублей. Это называется «говорящее письмо». А я вспомнил, что обещал вам. Но писать мне было очень неохота. Во-первых, некогда, а во-вторых, вы потом обязательно будете ругаться за ошибки. А в «говорящем письме» вы ошибок не заметите, а если и заметите, то вам будет негде подчеркивать».

— Ну погоди у меня, негодный мальчишка! — Юлия Львовна погрозила пальцем патефону.

Светлана, опершись локтями на стол, положив худенький подбородок на сдвинутые кулачки, слушала, то замирая перед Володиной дерзостью, то поражаясь его необыкновенной выдумке. Было удивительно и странно, что где-то внутри патефона, в самой глубине ящика, жил и звучал знакомый Володин голос, чуть-чуть искажённый, немного более низкий, чем в жизни, но всё же, несомненно, голос Володи Дубинина.

«Мне тут очень интересно. Когда я был маленьким в Москве, я ничего не понимал, и тогда мне тут не понравилось, а теперь мне всё очень нравится. Больше всего, ко-

нечно, Кремль. Я там был... то есть около него, в первый же день, как приехали, до самой ночи. Меня мама уже хотела искать через милицию. Думала, что я потерялся. Но, конечно, я нашёлся сам. Просто, я ходил по Красной площади, видел мавзолей Ленина, смотрел там кругом всё историческое. Надеялся, что на машине хоть разок выедет товарищ Сталин из Кремля. Но товарища Сталина я покамест ещё не повидал.

Потом мы были в Колонном зале на ёлке. Это самая главная ёлка в Советском Союзе, и такой больше нет нигде во всём мире. Она выше нашей школы. Мне сказали, что когда её украшают, подставляют пожарную лестницу. Я получил там приз за викторину, которую спрашивал один артист под видом Кота в сапогах. Вопросы были лёгкие, мы всё это с вами проходили. Приз был неинтересный, для маленьких — настольная игра, лото «Угадай». Я её подарил там одному мальчишке, который попросил. Юлия Львовна! Мы были с папой, мамой и Валеёй в самом Художественном Академическом театре СССР и в самом Большом Академическом театре всего Союза. Видели сперва «Царь Федор Иоаннович», историческую драму, очень интересная. Потом балет «Лебединое озеро», совсем без слов. Мне понравилось не очень, а Валентине понравилось. Ещё мы были в Музее Революции, видели оружие, которое участвовало в Октябре 1917 года. Я очень много ездил в метро. Это такая красота, что мы можем гордиться, потому что нигде за границей такого метро больше нет. Всё мраморное!

Юлия Львовна! Ещё мы были в Третьяковской галлерее. Там все самые известные картины: «Иван Грозный», «Три богатыря» и «Мишки в лесу». Вообще Москва — великий город. Хорошо, что папа меня взял сюда с собой. Спасибо ему за это...»

Голос в патефоне замолк. Игла уже подбиралась к бумажному кругу в центре. С полминуты из патефона раздавался один лишь сипящий шорох, но потом опять зазвучал Володин голос:

«...Ещё что говорить... то есть писать в письме, я не знаю. Уже всё. Папа дал мне на пластинку пять рублей. Сейчас уже кон-

чается. Папа вам тоже кланяется. А вы, пожалуйста, поклонитесь от меня вашей дочери Светлане. И ещё передайте привет Ефиму Леонтьевичу, Якову Яковлевичу, Марии Никифоровне и Василию Платоновичу и всем ребятам. Вот уже сейчас всё. Я о вас соскучился. Это говорит ваш ученик Дубинин Володя. Теперь всё».

И патефон замолк.

— Ну, что ты скажешь? — спросила Юлия Львовна, рассматривая пластинку. — Ну, что ты будешь делать с таким? И тебя не забыл, кланяется.

Потом сбегали за соседями, за Василием Платоновичем, за Ефимом Леонтьевичем. Пришла Мария Никифоровна, учительница географии, и даже сам директор Яков Яковлевич явился. И пластинку Володи Дубинина с его говорящим письмом из Москвы опять ставили с самого начала.

— Да, Юлия Львовна, перехитрил он вас, — смеялись все.

— Ну, это ещё посмотрим...

И она была права.

Когда после каникул Юлия Львовна возвращала домашние каникулярные работы, она, к удивлению класса, вынула из портфеля пластинку с Володиным «говорящим письмом» и вручила её Володе. Володя, ухмыляясь, взял диск и прочёл на бумажном кружке, в середине его, выведенные красными чернилами слова: «По содержанию — отлично, по изложению — бессвязно. Посредственно. Переписать в тетрадь».

И сбоку стояла обычная, как в тетрадке, подпись Юлии Львовны.

СОСУЛЬКА

Сосулька хвасталась два дня:
— Сияет солнце для меня!
С меня народ не сводит глаз, —
Горю, сверкаю, как алмаз!..

Да вдруг подтаяла и... трах!
Рассыпалась в пух и прах!
А солнышку смешно-смешно:
— Не хвастай! Сделаешь умно!

Елена БЛАГИНИНА

Я ЖДУ С УТРА ДО ВЕЧЕРА

Кораблик папа подарил,
Купил велосипед.
А я смотрю на улицу:
Весны всё нет и нет.

Мне нужно их проверить,
Проверить на дворе.
А там снежинки падают,
Как будто в январе.

Кораблик вместо лужи
Я по полу вожу.
Вокруг велосипеда
По комнате хожу.

Я жду с утра до вечера,
Когда придёт она...
Мне ждать уж надоело.
Иди скорей, весна!

Сергей БАРУЗДИН

Вит. БИАНКИ

Рис. Е. РАЧЁВА

ГОГЛЮШКА

Из рассказов охотника

У водоплавающей птицы — у той опять свои правила в хоронушки играть.

Где по берегам осока или камыш растёт, — тут ей всё равно как в лесу. Без собаки тут охотнику, пожалуй, и делать нечего. В челне-то им тебя далеко видно и слышно. Разве уж сдуру какая утёнка к себе подпустит да из-под самого носа выскочит.

Разговор про чистую воду. Тут птице либо улетать, не допустив охотника на выстрел, либо под воду уходить и так спасаться.

А и есть же из них, из водоплавающих-то, мастера нырять, — диву даёшься!

Живёт у нас по озёрам птица, чомга называется. Из гагар мелких. Востроносенькая такая. Так та не то что сама, та и детей своих под воду берёт.

Они у ней, как из яйца, так уж и плавать могут. А устанут — матери на спину вылезут, — она их на себе катает.

Ты попробуй догони её в лодке. Как приметит, что ты за ней, сейчас дитёнок своих под крылья берёт, голову в воду — и нет её.

Жди, где выйдет!

Так с дитёнками в осоку и уйдёт.

Нырковая утка — разные там чернушки, крохоля, турпан, морянка, гоголь — те тоже дивно долго могут под водой жить: мину-ту, другую. Далеко выскочит, — уж там и дробь не возьмёт. А всё не так, как гагары да чомги. Как эти, не выдержит.

Ну, а в хоронушки тоже великие мастера играть, пусть хоть и на чистой воде.

Повстречалась мне одна такая гоглюшка, — я, старик, и то рот разинул.

Втроём мы тот раз в лодке были: двое молодых охотников и я. Я на корме сидел, правил.

Взяли мы несколько уток и уж хотели домой ехать. Да у зарослей вылетела гоглюшка, — я её на лету и сбил.

Сбить-то сбил, а поди её возьми на воде: нырять она и с подбитым крылом может.

Молодых моих товарищей задор взял: упускать подранка! И началась у нас тут погоня.

На Боровне это было, на озере. Плеса там широкие. Есть острова. Местами осока из воды поднимается.

Ну, мы, конечно дело, жмём гоглюшку подальше от островов да от осоки — на середину плёса.

Один на нос лодки сел с ружьём, курки поднял, — чтобы, как она где себя окажет, сейчас и стрелять, пока опять не нырнула. Другой — в вёслах. А моя обязанность, как она где вынырнет, сейчас лодку ставить так, чтобы тому с носу удобно стрелять было.

Беда, до чего вороват подраненный нырок! Вся-то гоглюшка нам и не показывалась: выставит из воды одну голову, наберёт полную грудь воздуха — и назад.

Носовой в неё — бах! бах! — двустволка у него. Да куда там! Умудрись-ка попади ей в головёнку. Головёнка меньше спичечного коробка.

Он живо все свои последние патроны растерял, а гоглюшка попрежнему нас по всему плёсу водит.

Пересели: теперь тот, что в вёслах сидел, на носу устроился, — тоже он с двустволкой; а отстрелявшийся в вёслах сел.

Опять пальба пошла.

Бах! бах! да бах! бах! — и всё мимо!

Битый час эдак по озеру гоняли. А жара! У гребца рубаха к телу прилипла: взмок.

И второй стрелок все свои патроны кончил.

— Ну, теперь ты, — мне говорят.

Думаю: «Ладно! Возьму пониже, — покажу им, как стрелять-то надо».

— Только, — им говорю, — я отсюда, с кормы. Мне так сподручней.

Приладился половчей, — как раз она тут и выскочила. И даже спинки, маленько показала.

Я приложился, под неё взял, — б-бах! Да сам видел раньше выстрела — она под воду ушла. Дробь, как дорожкой, и прошла над ней по воде.

— Ах ты, шут!

Скорей патрон переложил — и жду: где теперь объявится? И оба товарища глядят, с воды глаз не сводят.

А вода — ну чистое зеркало! Ни морщинки нигде. Время-то уж подходило к полудню, ветерок улёгся.

Глядим в шесть глаз.

Проходит минута, другая, третья... Кто их знает, сколько их прошло: на часы-то ведь не глядели. А только и так понятно: что-то уж больно долго нет гоглюшки.

А уж не показаться ей нам никак невозможно: по самой середине плёса мы. До

любого берега или там осоки добрых полкилометра. Никакой гагаре не донырнуть. А у ней ещё крыло подбито.

И кружим мы по плёсу, и кружим, — все глаза проглядели.

Нет гоглюшки.

А ведь и быть того не может, чтобы нигде не было. Врёшь, — где-нибудь должна же быть! Глядим.

Ещё время проходит, — её всё нет.

Товарищи мои молчат.

Потом один говорит:

— Давайте рассуждать спокойно. Первое: проглядеть её на такой глади мы — втроём-то! — не могли? Не могли: раньше ведь каждый раз видели, как головку высывала. До берега она донырнуть не могла? Не могла. Утонуть утка живая или мёртвая не может? Никогда не тонет. Разве камень ей на шею привязать. Так где же она?

Другой говорит:

— Дело ясно: стреляли мы в неё, стреляли — и столько дробин в неё насыпали, что ко дну пошла. Дробь-то свинцовая — тяжелей камня.

Посмеялись.

Жарко, — у меня в горле пересохло.

— Вы, — товарищам говорю, — глаз с воды не спускайте. Я напьюсь только.

Ружьё положил, сам через борт перенулся.

Ну пить не стал: расхотелось.

— Давай, — говорю, — ребятки, гребите к берегу. Обманула нас гоглюшка, ушла от троих охотников. Так уж достойна, значит, жить да жить.

Куда там!.. Они, конечно, дело, ничего не понимают и слышать ничего не желают.

— Нам, — говорят, — стыд и срам подранка бросать, не взявши. Да и нельзя домой, не узнавши, куда она, проклятая, подевалась. Спать не будем от такого вопроса.

Мне что? Я молчу.

Хватило у них терпенья ещё с полчаса дожидаться.

Наконец один и говорит:

— Ну, — говорит, — если уж столько времени не показалась, значит — ушла. А уж как ушла — совершенно даже непонятно.

Меня смех разбирает, только виду не подаю.

— А может, — говорю, — никуда не ушла. Может, ещё покараулить желаете?

— Да нет, — говорят, — чего уж там!

— Домой, значит?

— Домой, куда же больше.

— Так, — говорю, — охотнички дорогие. Выходит — с носом?

Переглянулись между собой и в стороны глаза отвели.

— Выходит, что так, — признались.

— Ну, гребите.

У берега подвёл я лодку к осоке.

— Ну, а теперь, — говорю, — смотрите, как эта водоплавающая нас, умных, провела.

Сейчас весло кладу, за борт свешиваюсь — и вот вам, пожалуйста: двумя руками поднимаю оттуда живую гоглюшку!

У охотников моих глаза на лоб.

Я гоглюшку всю оглядел, вижу, — крыло у неё маленько только попорчено.

— Ничего, — говорю, — срастётся, только крепче будет. Поживёт ещё, полетает. Нашего брата-охотника не раз в задор введёт.

И пустил гоглюшку в осоку.

Она нырк — и пропала.

Товарищи мои:

— Ахти! Ахти! Как можно такую добычу из рук выпускать?

И за ружьё.

Забыли, что ружья-то у них пустые.

Так и ушла гоглюшка в осоку.

Навещал я её после, — с неделю прожила тут, пока не зажило крыло. Тогда улетела.

Сами скажите: ну как такую умницу не пожалеть было, не отпустить на вольную волюшку?

Сергей МИХАЛКОВ

Рис. Д. ДУБИНСКОГО

ЖАДНЫЙ ВАРТАН

Армянская сказка

С овечьей шкурой к скорняку
Зашёл Вартан — сосед:
— Из этой шкуры шапку сшить
Ты можешь или нет?

— Могу! — сказал в ответ скорняк,
На шкуру посмотрев.
— А выйдет две? — спросил Вартан,
На лавочку присев.

— И две сошью! — А три? — И три!
— Сошьёшь четыре? — Да!
— А пять? — Ну что ж, могу и пять,
Коль в этом есть нужда!

— Быть может, выкроишь все шесть? —
— Могу, раз надо так!
— Где шесть, там семь! — сказал Вартан.
— Идёт! — сказал скорняк.

Когда заказчик через день
За шапками пришёл,
Семь шапок выложил скорняк
На свой рабочий стол.

— Да разве это мой заказ? —
Вскричал всердцах Вартан. —
Когда ты шапки мне кроил,
Ты был, должно быть, пьян?

Что с ними делать мне теперь?
Куда прикажешь деть?
Ведь ни одну из них нельзя
На голову надеть!

— Но ты же сам того хотел! —
Сказал в ответ скорняк. —
Больших семь шапок из овцы
Не выкроишь никак!..

Марк ИОФАН

Рис. А. АЛЕЙНИКОВА

КТО НОЧЬЮ НЕ СПИТ

День прошёл. В садах и парках
Стало тихо и темно.
Свет погас в витринах ярких,
Двери заперли в кино.
И трамваи вереницей
На ночлег ушли давно.
Ночь... Но многим спать ложиться
Не придётся всё равно.

На заставах у границы
Пограничники не спят —
Охраняют сон ребят.

На заводе ночью тёмной
Плавят сталь в печи огромной.
Мастер спать не может лечь:
Без него остынет печь.

Ночью поезд быстро мчится,
По путям стальным скользя.
Пассажирам сладко спится —
Машинисту спать нельзя.

Поздней ночью в поле чистом
Ярко светят фонари:
Это наши трактористы
Вышли в поле до зари.

Хлеб молотят на току,
Мелют мельники муку,
И в пекарнях пекаря
Ночью трудятся не зря.

Ночью хлебные машины
Хлеб везут во все концы.
Хлеб в ларьках и магазинах
Принимают продавцы.

Врач в машине ночью мчится
Заболевшему помочь.
Ночью свет горит в больнице —
Там дежурят день и ночь.

На пустынном тёмном море
Огоньки горят вдали:
Это в порт придут вскоре
Грузовые корабли.

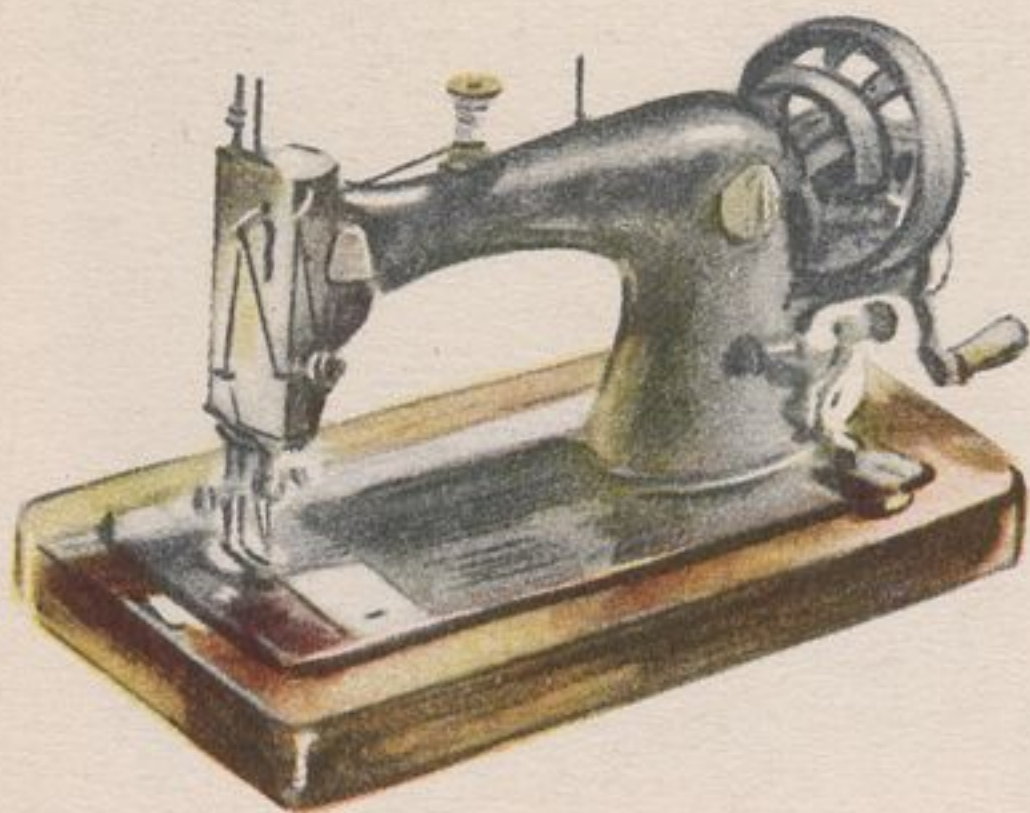
Морякам издалика
Светят вспышки маяка.
Днём и ночью самолёты
Отправляются в полёты.

И в редакциях газет
По ночам не гаснет свет:
Надо выпустить к рассвету
Ежедневную газету.

Чтобы радостней рабочим
Стало жить на всей земле,
До глубокой поздней ночи
Окна светятся в Кремле.

МАШИНЫ У ТЕБЯ ДОМА

Ты думаешь, машины есть только на улице или на заводе?

Нет, у тебя дома тоже есть машины. Поищи-ка хорошенько.

Вот старенькая швейная машина. На ней ещё твоя бабушка шила, а теперь шьёт твоя мама.

Ты, может быть, не раз засыпал под торопливое постукивание швейной машины. Иногда она внезапно останавливалась и потом так же неожиданно устремлялась вперёд, всё ускоряя свой бег. Утром оказывалось, что мама сшила тебе новую рубашку. Видно, машина недаром торопилась, постукивала.

Ты знаешь по имени автомобили, бегущие по улице, и никогда не спутаешь «Победу» или «ЗИС-110» с маленьким «Москвичом». И тебя, конечно, не удивишь обыкновенной швейной машиной.

А для твоей бабушки или прабабушки она была ещё диковинкой.

Шутка ли, машина, которая сама шьёт, да ещё так быстро!

Когда шьют руками, иглолка еле плетётся пешком по белому полотну — по рубашке или по простыне.

То ли дело швейная машина!

Она для иглолки всё равно, что автомобиль для человека.

Случалось ли тебе крутить ручку машины, помогая маме?

Ты крутил не очень быстро, а иглолка так и скакала вверх—вниз, вверх—вниз. И ка-

тушка плясала во-всю, подавая нитку иглолке. За секунду иглолка успевала сделать десять скачков — десять стежков.

Легко шить на машине, если есть привычка, а вот придумать её было не так-то легко.

Откинь крышку и загляни внутрь.

Сколько там всяких рычагов! Когда ты крутишь ручку, они движутся, словно маленькие стальные руки и пальцы. Но самое интересное — это блестящая лодочка. Стальные пальцы водят её взад и вперёд. А в ней — шпулька с ниткой.

Иглолка и лодочка работают дружно, сообща прошивают ткань сразу не одной, а двумя нитками.

Трудно разглядеть их работу: так они проворно её делают.

И всё-таки если очень постараться, можно уследить, как они шьют.

Вот иглолка проткнула ткань и понесла нитку вниз.

Потом иглолка пошла вверх и потянула нитку за собой.

Получилась петля.

Не будь лодочки, иглолка работала бы впустую: то делала бы петлю, то сама же выдёргивала бы её из ткани.

Много ли толку было бы от машины, если бы она и шила и сразу же порола свою работу?

Но тут приходит на помощь лодочка. Она не даёт иглолке вытаскивать петлю обратно.

Как только иглолка сделает петлю, лодочка проскочит внизу в эту петлю и протянет за собой вторую нитку. Хочет иглолка выдернуть петлю, да не может: вторая нитка прихватила петлю снизу и не даёт ей уходить вон из ткани.

Так шьют иглолка и лодочка дружно двумя нитками.

Иглолка скачет вверх и вниз и при каждом скачке делает и затягивает петлю.

А лодочка под ней бегаёт взад и вперёд и прихватывает петли, чтобы они не уходили.

Вот какую машину-помощницу при-

думали люди, чтобы легче, быстрее работать.

На фабриках есть машины, похожие на ту, которая есть у тебя дома. Одна шьёт платья или пальто, другая пуговицы пришивает, третья петли для пуговиц прорекает и обмётывает.

Есть машины, которые шьют из меха шубы и из кожи сапоги. А есть и такие, которые зашивают мешки с мукой или строчат толстый брезент.

Дома машину приводят в ход рукой или ногой, а на фабрике это делают сильные электрические двигатели. И людям от этого легче, и работа идёт быстрее.

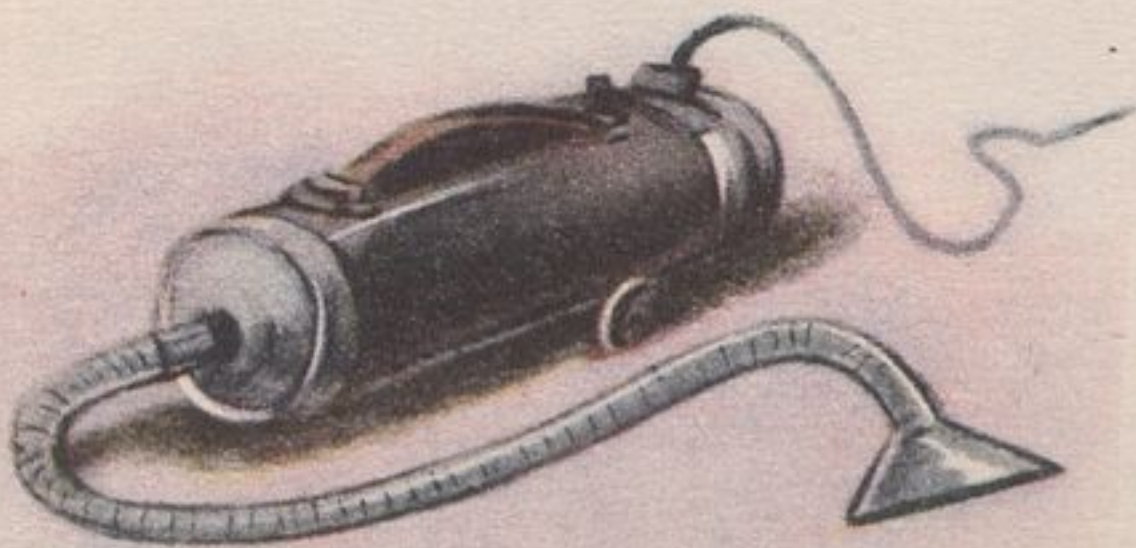
Швейная машина не единственная наша домашняя помощница. Есть и другие.

Видал ли ты пылесос? Он похож на маленькое чудовище с хоботом. Это чудовище питается пылью.

Оно ходит по ковру на колёсиках и сосёт своим длинным хоботом пыль.

Внутри у него что-то гудит. Это работает вентилятор — машина, сосущая воздух вместе с пылью. Пыль остаётся в пылесосе, а воздух выходит обратно — наружу.

У тебя дома и обыкновенная щётка неплохо справляется с уборкой. Ещё бы, весь её род, щёток, занимается этим делом сотни лет.

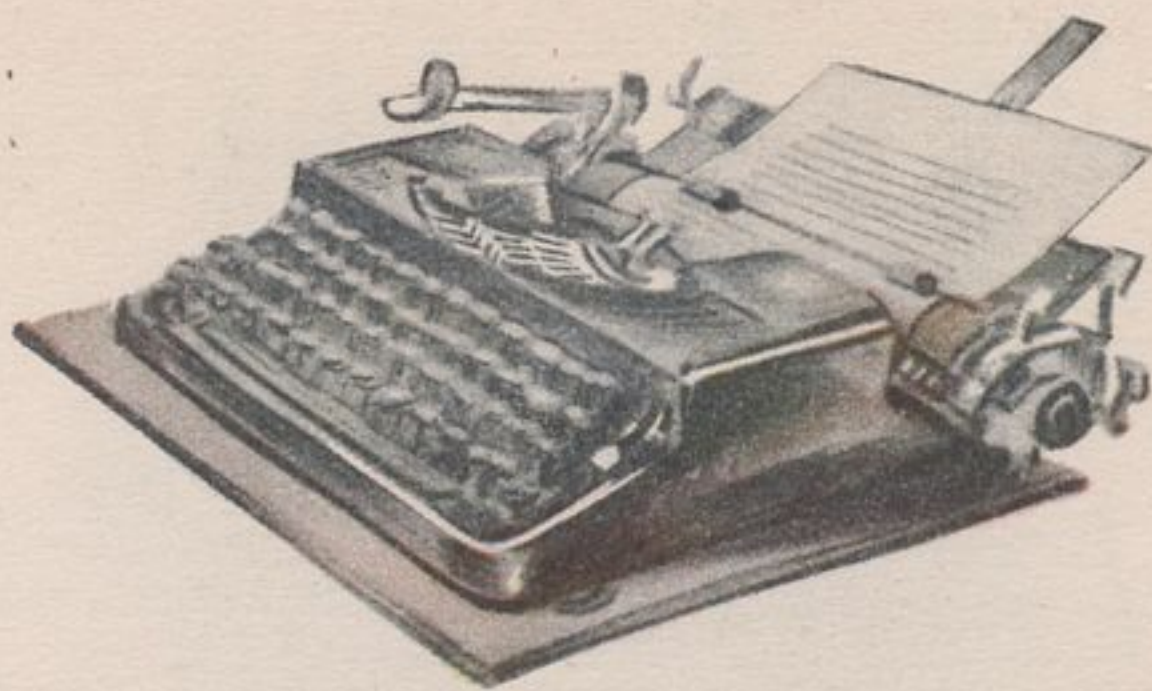
А вот в клубе, в гостинице, где много комнат, много ковров, там уборка — дело сложное. Там пылесосу есть где показать своё проворство.

Давай припомним, какие ещё машины можно увидеть дома.

Есть машина, которую так и называют просто — «машинка».

Говорят: «Умеете ли вы писать на машинке?»

Когда ты пишешь пером, строчки то ле-

зут в гору, то бегут под уклон. Буквы клонятся вперёд или опрокидываются назад.

Одно «а» получается толстым, другое — худым, словно оно умирает с голоду.

А машинка пишет так, что у неё все строчки получаются ровные, у всех «а» одинаковый рост, одинаковая выправка.

Не буквы, а солдаты в строю.

Перу приходится каждую букву вырисовывать. А машинка отпечатывает её одним ударом. Да при этом ещё сама передвигает бумагу, сама звоночком предупреждает: строчка кончается, пора начинать новую.

Если ты любишь машины, ты уж, конечно, не оставил пишущую машинку в покое, как только до неё добрался. Ты постарался разглядеть, как ходит каретка, как клавиша заставляет кривой молоточек ударять по бумаге.

Ты, может быть, даже спросил себя: «А что же приводит в ход каретку?»

У автомобиля есть мотор, у часов — пружина. А какой двигатель у пишущей машинки? Только тронешь пальцем клавишу — и каретка сама едет влево.

А разглядел ли ты, что у пишущей машинки тоже есть пружина, как у часов?

Эта пружина — твои пальцы, — вот что заставляет машинку стучать молоточками, передвигать бумагу.

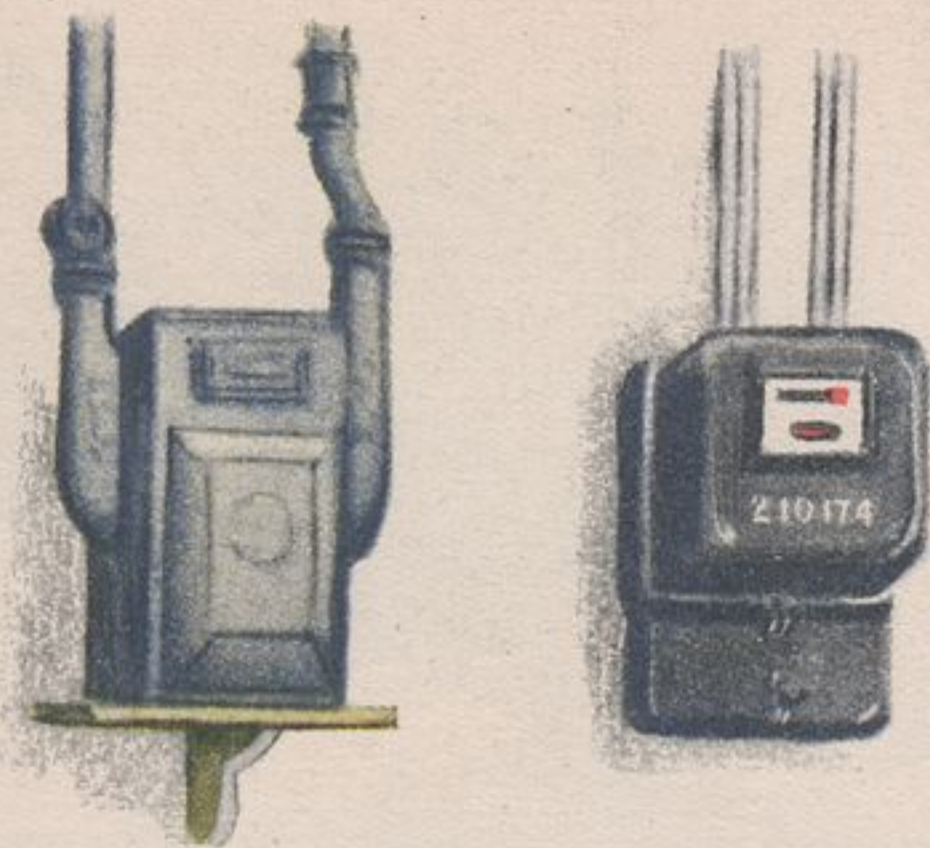
Машинка пишет аккуратнее и быстрее, чем ты. Но и ей случается делать ошибки.

Если ты пишешь «корова» через «а», то и машинка напишет: «к-а-рова».

Хоть она и хитро устроена, а грамматики не знает.

Хитро устроена и другая домашняя машина, или, правильнее сказать, прибор — счётчик.

Он не умеет писать, но умеет считать, и считает точно, без ошибок.

Счётчик обыкновенно не уходит дальше передней. Но живя в передней, он следит за тем, что делается по всей квартире. Ты только повернул выключатель или зажёл газ на кухне, а счётчику это уже известно.

Электрический счётчик считает, сколько в доме расходуется электричества. Газовый счётчик следит за тем, сколько сжигается газа.

Подойди к электрическому счётчику и послушай, как он гудит. Это в нём работает маленький электрический мотор. Сквозь стеклянное окошечко видно, как вертится внутри колёсико. На ободке колёсика — красная метка. Когда ты зажигаешь лампочку или включаешь плитку, метка начинает чаще пробегать мимо окошечка.

Значит, мотор заработал быстрее.

Когда мотор работает, он заставляет выскакивать в окошечке цифры. Эти цифры показывают, сколько в доме израсходовано энергии.

А как газовый счётчик устроен?

Этого ты не увидишь. Он со всех сторон наглухо закрыт.

Правда, и в нём есть окошечко. Но сквозь окошечко видны только четыре кружка с цифрами и стрелками, словно часы поставлены рядом. Стрелки движутся и показывают, сколько через счётчик прошло газа.

Что же заставляет стрелки двигаться?

Если бы ты мог заглянуть внутрь газового счётчика, ты увидел бы два мешка, вроде гармошек. Газ, проходя, играет на этих гармошках, раздувает то одну, то другую.

Для чего же понадобилась эта неслыш-

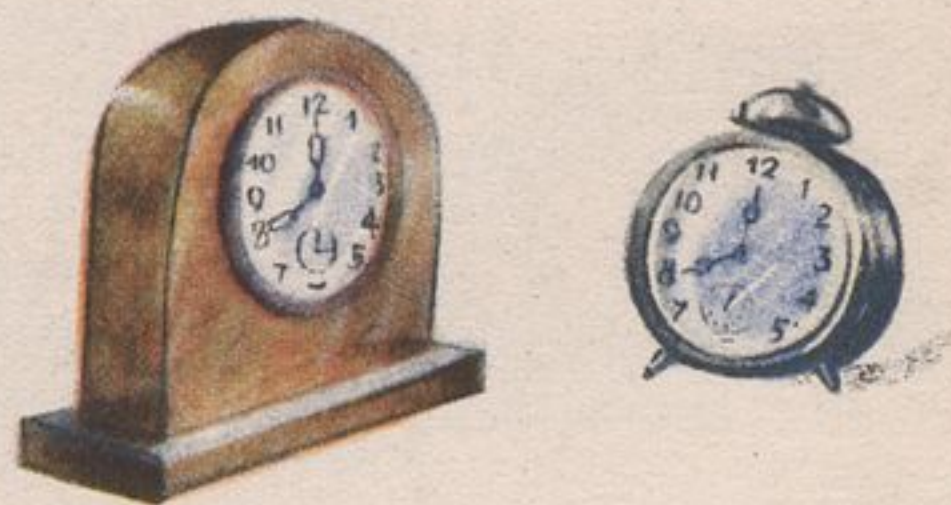
ная игра на гармошках? Для того, чтобы они отмеривали газ и передвигали при этом стрелку.

Мы уже не раз вспоминали с тобой про часы. А ведь это тоже счётчик. Он считает время.

Пружина заставляет вертеться зубчатые колёса. А зубчатые колёса приводят в движение стрелки.

Но пружина сразу раскрутилась бы, если бы в часах не было маятника. Маятник качается и задерживает при каждом размахе движение зубчаток. Для этого в часах есть изогнутая пластинка, похожая на якорь. Она так и называется якорь. Когда качается маятник, качается и якорь. И при этом то правый, то левый крючок якоря застревает между зубцами ходового колёсика.

А ходовое колёсико потому и называется ходовым, что оно управляет ходом всех других зубчатых колёс в часах.

Все ли машины и приборы мы вспомнили? Нет, не все.

Есть приборы, которые переносят тебя за тысячи километров. Ты сидишь у себя дома, а разговариваешь с товарищем, живущим в другом городе. Или слушаешь музыку, которую играют музыканты на другом конце страны.

Ты уже догадался, что это за прибор? Один прибор — телефон.

Другой — радиоприёмник.

О том, как устроены телефон и радио, мы расскажем тебе когда-нибудь в другой раз. Устройство у них сложное, рассказывать надо долго. Да при этом ещё нам надо будет с тобой уйти из дому на телефонную станцию и на радиостанцию.

Когда ты пальцем набираешь номер на диске телефона, ты приводишь в ход машину — автомат на телефонной станции. Эта машина сама соединяет тебя с тем телефоном, который ты вызываешь.

Какая же машина, какой прибор в доме важнее и нужнее всех?

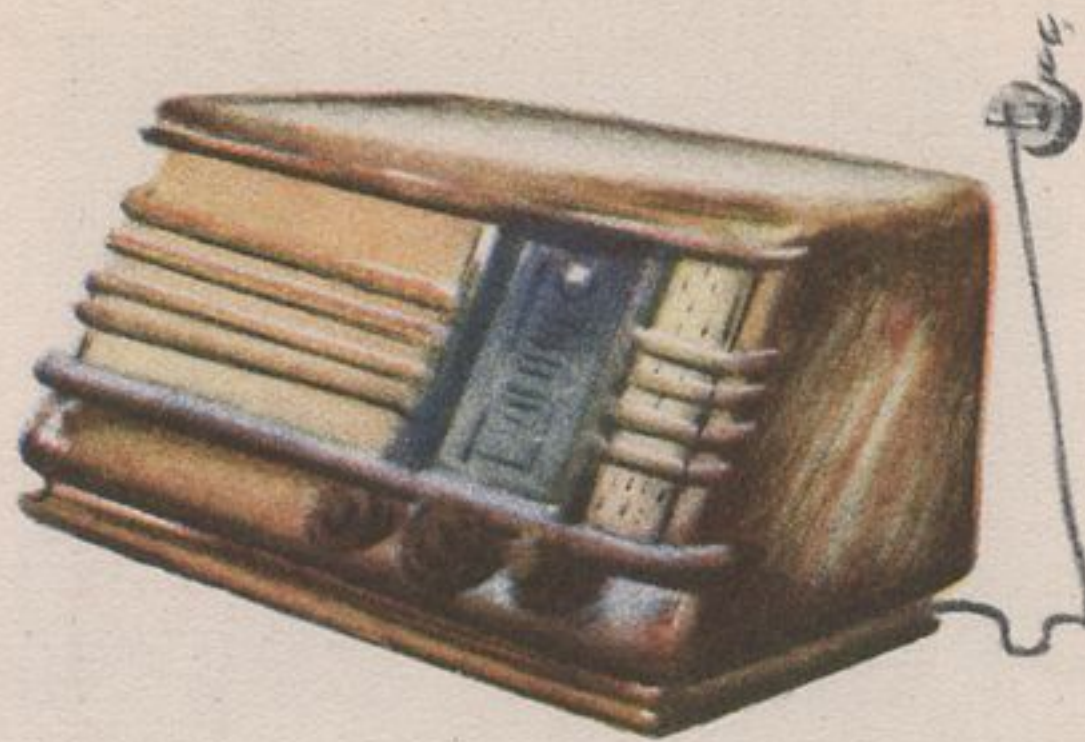
Все нужны, все полезны людям.

Но, пожалуй, самая нужная — часы.

Без часов трудно было бы жить. Ты бы и в школу опаздывал и спать забывал бы ложиться. Ты приходил бы в театр и в кино слишком рано или слишком поздно, когда все уже разошлись.

Без часов не было бы порядка нигде. Поезда ходили бы не по расписанию, а как придётся. На заводах машины работали бы вразброд. В море корабли потеряли бы дорогу, потому что по часам капитаны узнают, где находится корабль.

Невозможно даже и представить себе,

как трудно было бы людям обходиться без часов!

И на улице, и на заводе, и на железной дороге, и в метро, и в море, и в воздухе большими и сильными машинами командует маленькая машинка, которую можно найти в каждом доме.

Под её размеренный стук проходит вся наша жизнь.

Ты встаёшь, когда будильник говорит тебе «вставай»

И ты уже спишь крепким сном, когда в полночь радио передаёт со Спасской башни торжественный бой кремлёвских часов.

Твоя мама

Ты маму знаешь только дома;
Родные руки берегут
Домашний ласковый уют,
Такой привычный и знакомый.
И не всегда ты видишь маму
В её заботах трудовых:
Не шлешь ты с нею телеграммы,
Не лечишь вместе с ней больных,

Не мчишься с ней на паровозе,
Её не видишь у станка,
И славных дел её в колхозе
Не разделяешь ты пока.
Но если мама иногда
Придёт усталая с работы,
Согрей её своей заботой,
Во всём ей помоги тогда!

В. ДОННИКОВА

В МОСКОВСКОМ

Тигр

Тигрицу Сиротку выкормили сотрудники зоопарка. Теперь она взрослая. Зубы у неё острые: она ими мясо, как ножом, режет и рычит.

А подойдёт к клетке кто-нибудь из сотрудников, Сиротка сразу другая станет. К решётке подбежит, мяукает, головой о прутья трётся, совсем как кошка. Это она просит, чтобы её погладили.

Пеликан

Из небольшого дома возле пруда слышится не то угрожающий рёв, не то рычание. Это кричат пеликаны.

Большие розовые птицы переступают с лапы на лапу, щёлкают клювами, машут крыльями. Почему же они так волнуются? Но вот открывается дверь, и входит служительница. В руках у неё ведро, а оттуда торчат большие рыбины.

Пеликаны, как по команде, открывают рты и прямо на лету ловят рыбу. Ну и птица! В рыбе килограмм, а пеликан проглотит, встряхнётся и ещё просит.

Бегемот

Есть в зоопарке глубокий водоём. В этом водоёме целые дни купается огромный бегемот.

Однажды летом у бегемотов маленький бегемотик родился. Он был розовый, толстенький, весь в складочках. Как только родился, сразу же и плавать начал.

Плавает бывало в водоёме, играет, а если устанет — к матери подплывёт, та его мордой в воде подденет и на голову себе посадит. Лежит маленький бегемотик у матери на голове и катается, пока не отдохнёт.

ЗООПАРКЕ

Кондор

Кондор Кузя — самый старый обитатель зоопарка. Живёт он в своей клетке очень давно, уже 56 лет. Кузя так к ней привык, что даже не улетает, если его выпускают на волю.

Важно, не торопясь, направляется он по дорожке зоопарка к небольшой каменной горке, которая находится недалеко от его клетки. Влетит Кузя на самую верхушку, усядется там, крылья расправит и греется на солнышке.

А как придёт время обедать, Кузя назад к своей клетке спешит. Подойдёт к двери, волнуется, ждёт, когда его обратно домой впустят.

Слон

Прошлым летом в зоопарке произошло большое событие: в слоновой семье родился слонёнок. Сотрудники зоопарка назвали его «Москвич».

Слонёнок и теперь ещё совсем маленький, ростом он не выше жеребёнка. Только толстый такой, ножки, как тумбочки, ушки, словно два лопуха, болтаются, а хоботок коротенький, подвижной и весь в морщинках.

Целый день слонёнок балуется: то к матери пристаёт, то к отцу, а то подбежит к ограде и со служительницей заигрывает. Ногу ей через ограду просунет, хоботок протянет или бок подставит, чтобы она его почесала.

Слониха Молли зорко следит за своим малышом. Она не любит, чтобы он далеко отбегал. Сейчас же звать его начнёт — тоненько так запищит. А если слонёнок не слушается, как стукнет хоботом об пол, тут уж он сразу к матери вернётся.

ПРО ИВАНУШКУ - ДУРАЧКА

Русская народная сказка в пересказе М. Горького

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит — не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женою собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!

— А чем? — спрашивает Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки по кроши да свари — будет похлёбка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой; Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

— Ну вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу, — запросили есть; Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в неё полмешка муки, меру картошки, разболтал всё ко-ромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети, — испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок, — соображает:

— Как же я теперь глядеть за ними буду? Да ещё дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлёбка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил её на плечи себе и пошёл в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй ты, зачем дерево в лес несёшь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось, — Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь ещё сильнее смеётся, так и катается по земле со смеху.

— Никогда такого глупого не видал! Пойдём, я тебя жене своей покажу!

Повёл его к себе в берлогу. Иванушка идёт, дверью за сосны задевает.

— Да брось ты её! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привёл! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тётя, не видала ребятишек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трёх медвежат; он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеётся.

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да, — сказал Иванушка, — разберёшь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу: — Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работниках живёт!

— Ладно, — согласился Медведь, — он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка набери малины лесной — детишки проснутся, я их вкусеньким угощу.

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка. — А вы дверь постерегите!

Пошёл Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идёт назад к Медведям и поёт во всё горло:

— Эх, как неловки

Божьи коровки!

То ли дело — муравьи

Или ящерицы!

Пришёл в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются, — очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эх-ма, жаль, что я не Медведь, а то у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь, — да с ним жить нельзя, — со смеху помрешь!

— Вот что, — говорит Иванушка, — вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятишек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь, — согласился Медведь, — уж очень он смешной!

Пошёл Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут — разговаривают по-приятельски:

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да.

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему, кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг — видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо их спросить. Мои есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надобно похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь. — Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поёт:

— Эх, вот так чудеса!

Жуки ловят зайца.

Под кустом сидит лиса,

Очень удивляется!

Пришёл в избу, а уж хозяева из города воротились, видят — посреди избы кадушка стоит, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чём плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидели они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлёбку.

— Да разве так надо?

— А я почему знаю — как?

— А дверь куда девалась?

— Сейчас её принесут, — вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идёт Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли со страху в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!..

Восьмого марта

Рис. В. СУТЕЕВА

На обложке рисунок В. Конашевича — «В марте».

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ,
Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. ГУБЕР

Год издания двадцать шестой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1-06.
2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л.

Подписано к печати 9/II 1949 г.
Тираж 105 000 экз. Заказ

A01295.

Объём 3 печ. л.

Заказ 94.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сушѣвская, 21.

Рис. А. ПОРЕТ

КАРТИНКА ДЛЯ ВЫШИВАНИЯ

Переведи рисунок на холст или серую материю, наложи аппликацией синие фестоны, потом белую ленточку и овал из коричневой ткани. Рисунок на синем и коричневом можно наметить белой краской, потом вышить, как здесь пока-

зано. Птиц, скворечник и дерево, а также мелкие синие фестоны вышивать гладью, а узоры на синем и вдоль ленточки — стебельчатым швом.

Если ты хочешь, замени эти цвета какими-нибудь другими, по своему усмотрению.

15 MAR 1949